

Я обещал, что напишу подробнее про свое личное чудо, и вот... написал. Я наверняка что-то забыл и перепутал последовательность событий, прошу меня простить. Но я хотел передать скорее ощущения и создать связный текст.

Про текст и цитаты: мир игры - кроссовер Сильмариллиона и мира Крапивина. Я благодарю моих вольных и невольных соавторов. Гэлли, моего Мельоро - моего айну, моего врага и мою любовь за все: за игру, за словески, глюки за Гранью, за чудо, за то, что вернулся и за то, что ты есть. Часть текста - цитаты из наших словесок. Я благодарю Гакхана за словеску перед игрой, ставшую для меня отличной вводной, простройку мира игры для меня, чужого миру Крапивина, и идею с песнями. Часть текста - цитаты из словески с Гакханом (Курумо/Альбином Смилянничем). Я благодарю Тас (Зоран/Финдекано) за разговоры до игры и после игры. Часть текста - ну вы поняли, цитаты из переписки и словесок с Тас. Я благодарю Джу (Найдану/Низнор) за ее дерево - часть цитат оттуда. И я благодарю всех игротехников и игроков, потому что без вас игры и этого чуда не было бы.

\*\*\*

Если бы "не человек из лаборатории" записывал свои мысли, то, наверно, это выглядело бы примерно так...

... У меня есть память - о моей войне, о моей ненависти, о гибели тех, кого я любил, о моих преступлениях, о раскаянии и бессилии что-либо изменить, о приговоре самому себе и о смерти.

У меня есть две цели. Первая - узнать о том, что происходит в Эндорэ и почему Валар перестали слышать музыку этого мира. Вторая - найти Врага и уничтожить или вернуть за Грань.

У меня снова есть живое и целое hгоа - чтобы выполнить мои цели.

\*\*\*

В первые века 4-й эпохи Прямой Путь, по которому уходили корабли Кирдана, закрылся окончательно. Но осталось несколько - порядка дюжины - "прямых тропинок", по которым мог пройти кто-то достаточно сильный, не слабее аманэльда первых поколений. Насколько я понял из того, что мне сочли нужным объяснить Стихии, после 4-й эпохи тропами никто не пользовался. Со стороны Амана было незачем, а в Эндоре аманэльдар не осталось. И майяр не осталось - таких, которые были бы заинтересованы в путешествии на Запад. А для атани такой переход был не по силам. Так что "тропы" забросили. Одна из "прямых троп" выходила во владения Феантури. Для меня она была ближайшей.

На выходе с "прямой тропы" я оказался в месте, которое одновременно напоминало тэлериюскую верфь и ангбандский рудник. Небольшой участок земли, в три ряда окруженный высокими оградами - двумя ажурно-металлическими и одной, внешней, из сплошного серого камня без стыков. И высокими, локтей в 20, не меньше, башнями из железных балок, ошестинившихся какими-то штырями.

Все это производило впечатление очень хорошо охраняемого места - правда, без видимой живой охраны. И было украшено несколькими надписями на квенья. Надпись

на небольшой арке прямо напротив гласила: "Привет тебе, путешественник. Пройди и докажи, что ты друг".

В этой арке я и остался, когда какой-то силой вздернуло в воздух и растянуло в арке как морскую звезду. На башнях замигали красные огни, и раздался такой рев, будто прямо тут Анкалагона по второму разу заклевывали орлы. Потом появились люди в черном, некоторые из них были чем-то неуловимо похожи на орков. На меня надели оковы, в которых почти невозможно было пошевелиться, металл словно выпивал силы в ответ на любое, даже самое незначительное усилие.

В ворота въехала очень большая крытая повозка, передвигавшаяся без тягловых животных. Черные уложили меня на носилки и понесли в эту повозку.

Пока везли, складывалось очень странное, ни на что не похожее и весьма неприятное ощущение. Там было много звуков: фургон рычал, стражи сопели, оковы скрипели и иногда пиликали. А за этими звуками... Почти тишина. Мир практически не поёт. Тишина не физическая, но тот, кто вырос и жил в Валиноре, не может её не замечать. Это молчание не охотника в засаде и не мудреца в созерцании, а умирающего, впавшего в забытие.

Тогда, в Ангбанде, было совсем не так. Там уши закладывало от Диссонанса. А тут - ничего. Слабое-слабое эхо, даже не отличишь, Музыка или Диссонанс.

\*\*\*

Наверно, я слишком долго разговаривал с майя... Смиляничем... странно звучит это его новое имя... и сенатором Кралевским... как же он все-таки похож на Эльвэ Синдаколло... Мне стало казаться, что с ними можно говорить. Может быть, даже договориться. И что, может быть, они поймут - что их мир, кажется, умирает. Зря, конечно.

Я не хочу сравнивать это место с Ангамандо. Несмотря на многократное "тебе с твоим опытом, Руссандол" от Смилянича. Именно с моим опытом и не хочу.

"Тебе стоит быть разумнее..." Не дождешься. Так же, как те в Ангамандо не дождались. Со Смиляничем каждый раз поражает контраст между его мягкими словами, любезной улыбкой и тем, что происходит здесь.

Если, вернее - когда, убьют, я снова окажусь в Чертогах Намо. Расскажу о том, что увидел и понял. За этим же и послали. И правильно сделали, надо признать. Музыка в этом мире действительно слабая... почти не слышна... как будто этот мир умирает. Ничего удивительного, что Валар перестали его слышать.

Сколько прошло времени с тех пор, как я попал сюда? Я не могу с уверенностью сказать. Чувство времени здесь пропало почти сразу. Так же, как не было его и на скале. Все же лежать прикованным лучше, чем висеть прикованным. Хотя тоже приятного мало. Они называют это место "лабораторией". Здесь всегда полутемно или это у меня что-то с глазами. И холодно. Окна закрыты ставнями. Я никогда не знаю - день или ночь. И не чувствую. Не слышу музыку, совсем. Даже ту слабую музыку умирающего мира. Стены здесь покрыты металлом. Смилянич сказал, что люди научились делать тилькал "с помощью ядерного синтеза"... что бы это ни значило. Его мог творить лишь Аулэ, и то не так много... а здесь много, очень много. И здесь очень плохо. Металл на стенах обрывает связь с Ардой, не дает пробиться музыке. Оковы как будто выпивают силы. Чем сильнее сопротивляешься, тем слабее становишься. Часто мне кажется, что я задыхаюсь. Или умираю от жажды. Это не из-за ошейника, и

не из-за того, что часто оставляют без воды. Не только, по крайней мере. Это потому что нет связи с Ардой и я не слышу музыку.

\*\*\*

Бывшая майэ Эстэ называет себя доктором Милинич. Она красивая, спокойная и строгая в своих белых одеждах - как и положено майэ Эстэ. Она спокойно режет по живому и втыкает в кожу иглы с какими-то снадобьями. Это не больно, мне не больно, но от снадобий плохо. Доктор Милинич говорит, что с помощью этих снадобий она пытается сломать мое аванирэ. Она вообще с удовольствием рассказывает о том, что делает. Не думаю, что у нее получится сломать аванирэ. Мне интересно - почему она это делает. Она объясняет - потому что хочет спасти умирающий мир. Удивительно, но в этом наши желания совпадают. Я рад, что хоть кто-то чувствует и понимает то же, что и я. И все же союзниками мы быть не можем. Цель не оправдывает средства. Жаль. Я стараюсь разговаривать. Не могу ответить на вопросы, но мне нужно узнать как можно больше. Про новый мир, про тех, кто здесь живут. Про все, что может оказаться важным.

\*\*\*

Капитан Черных Улан Аркуэн Блэмор - бывший майя Оромэ. Он ничего не исследует и не "проводит опытов", как они это называют. Он допрашивает. Бьет по лицу и режет ножом. Мне смешно. Я не хотел сравнивать с Ангамандо, но после Ангамандо меня сложно чем-то удивить. И вопросы у капитана Блэмора такие знакомые... "зачем пришел?", "какие цели?", "кто послал?" Надо признать, снадобья доктора Милинич хуже, чем то, что делает капитан Блэмор. Боль - это просто боль, а от тех снадобий в голове туман и того и гляди наизнанку вывернет, а я даже голову повернуть не могу нормально - ошейник держит.

И все-таки капитан Блэмор удивляет. Сначала тем, что оказывается, тоже думает о том, как спасти мир. А потом и другим... когда он угрожает выколоть мне глаза, отвести в лес и гнать, как зверя... он говорит, что так было бы интереснее, чем вот это. Потом убирает нож от лица, по виску течет кровь - пока только царапина. Наверно, я все же боюсь ослепнуть. Подумаю об этом, когда выбора не будет. А сейчас я говорю, что гнать как зверя не получится, я не стану от него бегать, даже слепым. И все же... видимо, что-то в нем осталось от майя Оромэ, раз просто издеваться ему удовольствия не доставляет. Почему-то он уверен, что Смилянич в итоге отдаст меня ему для охоты. Впрочем, даже если и так, я всегда предпочту противника, с которым можно сражаться и которого можно хотя бы за что-то уважать. Лучше воин, охотник и охота, чем умирать обездвиженным и беспомощным. Для меня до сих пор есть разница.

В конце концов капитан Блэмор уходит.

\*\*\*

Не знаю, откуда в комнате взялся ночной мотылек. Но когда я один, я слежу за ним и за тенями, порхающими по стенам вслед за бабочкой.

Кроме майя Смилянича, доктора Милинич и капитана Блэмора, я не вижу никого. А нет, еще сенатора Кралевского один раз по этому их... черному квадрату, похожему на

палантир. Он говорит про "ресурсы"... так они воспринимают мир - как материал... как... в квенья нет таких слов и понятий таких тоже нет.

Но однажды я вижу девочку. Не понимаю - как она сюда попала. Как мотылек. Она боится, но все равно пытается освободить меня, а когда не получается, приносит воды. Ее зовут Найдана, "найденная". Ей сложно говорить, но я хочу, чтобы у нее получалось говорить без труда. И она говорит. Спрашивает - кто я. И может ли она мне помочь. Я отвечаю, что меня зовут Майтимо, что я пришел издалека, из другого мира и что я не человек. Про "помочь" говорю, что никак - и чтобы она не говорила про меня никому, потому что если взрослые тут узнают, что она меня видела, то ей, наверняка, плохо придется. И чтобы она уходила. Через некоторое время я больше не уверен, что действительно видел девочку и что это мне не приснилось или не привиделось в бреду после лекарств.

Капитан Блэкмор требует "увеличить дозу", а доктор Милинич говорит, что слишком большой риск - "организм пациента может не выдержать".

\*\*\*

У новой гости нет hгоа. Она почти тень - как тень от крыльев бабочки на потолке, но от ее присутствия все равно тепло, как от живого. Тэлэрэ зовут Нимбэль. Она рассказывает, что погибла здесь, но не может вернуться домой в Валинор. Над ней тоже "проводили опыты", после них она потеряла способность петь. И здесь "в интернате" живет ее сын. И несмотря ни на что, она думает о том, как помочь мне... Рассказывает про мир, про "индексы" - метки, которые превращают атани в послушных, бесчувственных, легко управляемых чужой волей существ... Я думаю о том, что это уже не орки, а что-то еще хуже. Дети в интернате - без индекса, метка у них не приживается, изгой общества. Не удивительно, что не приживается. У многих из них душа эльдар, как говорит Нимбэль.

Нимбэль пытается защищать от капитана Блэкмора, просит за меня. Наверно, сейчас лучше, что у нее нет hгоа. И капитан Черных Улан больше ничего не может с ней сделать. Я прошу, чтобы она ушла.

"У нас завелся таракан". - Это Блэкмор говорит доктору Милинич про Нимбэль. И они снова спорят про новую дозу лекарства. Кажется, капитан Блэкмор в ярости. За дверью лаборатории слышны голоса, но я не могу ничего разобрать. Голос капитана Блэкмора слишком близко, заглушает все: "Ты у меня орать будешь. Кричи!" Нож проворачивается под ключицей. Когда-то было хуже, просто надо дышать ровно.

\*\*\*

Дверь распаивается. Мне не нужно видеть, чтобы узнать того, кто вошел. Я почувствую Врага всегда.

- Ну, здравствуй.

- Не могу пожелать тебе того же.

Почему у меня такое чувство, что я должен помнить что-то еще, когда смотрю тебе в глаза и готов убивать? А потом все мысли вылетают из головы, потому что с тобой Финдекано. Нет! Как? Почему? Насчет него я тоже не могу ошибиться. Как не могу ошибиться насчет тебя. Ты не человек. Он человек. Но это все равно он. Даже если человек. Что ты с ним сделал?

Ему нехорошо в лаборатории. И тебе тоже нехорошо. Финдекано заставляют выйти. А тебе дают темные стекла и что-то в уши - "очки" и "наушники". Здесь все так, майяр тоже. Без "очков" и "наушников" очень плохо. Я так и не смог привыкнуть за все время здесь. Я успел только понять, что Финдекано не узнал меня. Ему, судя по всему, просто не нравится то, что он увидел. Он совсем не изменился в главном. Все такой же - отважный и защитник.

\*\*\*

А потом мы остаемся вдвоем. Ты здесь отдаешь приказы, генерал Рин Моранга, мой Враг. Почему меня это не удивляет - что ты здесь отдаешь приказы? Что ты сделал с этим миром? Или это не ты? Раньше я бы не подумал, что это можешь быть не ты. Странно, что думаю об этом сейчас.

Тебя интересует не то, зачем я пришел. Это ты и так знаешь. Все правильно, я пришел - убить тебя. Тебя интересует - что я помню. Зачем тебе?

- Что ты помнишь? - То ли рывок за волосы, то ли по голове погладил.

- Я помню Войну Гнева и собственную смерть.

- А больше ничего?

- Больше ничего.

Почему от этого так больно?

*Я вспоминаю ледяную полынью и как ты вытаскиваешь меня оттуда. Я разбиваю тебе голову острым куском льда, а ты пытаешься обездвигить меня своей цепью. Ангайнор. У тебя получается - обездвигить меня. Даже слишком хорошо. Мне меньше надо, чем тебе. Когда и где это было?*

Ты говоришь о том, что хочешь освободить меня, но что я должен пообещать не бросаться ни на кого. И тогда я смогу выйти из "лаборатории" и даже ходить по "интернату" почти свободно. Так уже было, ты же помнишь? Почти так. Почти теми же словами.

- Я не могу пообещать.

Но ты все равно освобождаешь мне правую руку. Меня интересует Финдекано. Ты говоришь, что он твой воспитанник. И моя рука сама тянется к твоему горлу. Пусть у меня почти нет сил, но за него я тебя убью прямо сейчас.

- Я убью тебя.

Ты сильнее. Намного сильнее. Только сейчас я понимаю - насколько. И снова рука держит за волосы. И слова - жесткие, беспощадные:

- Если будешь бросаться, накажут не тебя, а детей. Их здесь много. Не жалко.

На освобожденную руку ты надеваешь мне металлический браслет. И сил становится еще меньше. Меньше, чем у самой слабой девочки. Это ты так говоришь. И я чувствую, что говоришь правду. Браслет - чтобы сдерживать. Что ж, видимо, ты можешь обойтись и без моего обещания. Только я не понимаю - зачем тебе нужно меня освободить. Ты открываешь остальные "фиксаторы" - их здесь не называют оковами, говорят про "фиксаторы". А я с трудом пытаюсь приподняться и сесть там, где лежал - на каком-то странном столе. Получается не сразу. Ужасно кружится голова, в глазах плывет, сил нет и плохо так, как будто меня поили ядом. Ты говоришь, что нужно одеться. А потом почти вытаскиваешь меня из лаборатории как есть, в штанах и окровавленной нижней рубашке. Потому что для "одеться нормально" у меня не хватает сил.

\*\*\*

Я делаю шаг за дверь и... это правда как вздохнуть после того, как очень долго задыхался. Я едва не падаю, хватаюсь за стену. Сейчас музыка, которую я слышу, кажется мне самой прекрасной - даже если это музыка умирающего мира. Но не только. Я слышу музыку живущих в интернате детей. Многие из них звучат как эльдар. И они обступают меня хором, пытаются поддержать и сажают в кресло в углу. Ты смотришь и мне кажется, что у тебя что-то теплое в глазах. Или так падает свет. А у меня путаются мысли - потому что ничего теплого в глазах у тебя быть не может, не должно.

Дети задают много вопросов. Отвечаю: "Меня зовут Майтимо". "Я не из этого мира." "Нет, не человек." "Да, с другой Грани." Приносят воды. Очень вкусной воды. И какой-то отвар, который очень вкусно пахнет. Они говорят, что это кофе. А потом мальчик, похожий на взъерошенного и задиристого воробья, протягивает еще что-то и я чувствую, что это ценное и непросто ему досталось. Финдекано, которого другие называют Зоран, объясняет что это шоколад. Вкусно.

Финдекано помогает с моими ранами и царапинами, приводит в порядок лицо. Я боюсь испугать детей. Но похоже, они тут ко многому привыкли.

Кофе и шоколад прибавляют сил, перестает кружиться голова и я, наконец, могу одеться так, чтобы не упасть при этом. Зоран помогает надеть наручи и передвинуть металлический браслет поверх наруча.

- Я помогу. Одной рукой, наверно, неудобно.

- Спасибо. Неудобно, да. Ты совсем меня не помнишь, Финдекано?

\*\*\*

В холле какой-то шум и все идут туда. Я тоже. Я не понимаю, что происходит. Картина складывается из обрывков разговоров. Кажется, дети что-то нарушили. Пошли куда-то, куда нельзя. И троим грозит за это наказание. Наказание - это лекарство. Что-то похожее на те снадобья, которые были в иглах доктора Милинич. От которых очень плохо. Я пытаюсь поговорить с человеческой женщиной. Это учитель. Позже я узнаю, что ее зовут госпожа Новицкая, Катерина Новицкая. У нее очень спокойное и строгое выражение лица. Такое ощущение, что она не испытывает вообще никаких чувств. И звучит... как полый тростник с трещиной, очень тихо и глухо... почти не звучит.

- Нет. Так нельзя. Они же дети. Их нельзя так наказывать.

- Они пошли туда, где опасно. Нарушили правила. Их надо учить. Я о них же забочусь. Меня оттаскивает Финдекано. Сейчас даже у ребенка хватит сил, чтобы меня оттащить. А Финдекано уже почти не ребенок. Заставляет снова сесть в кресло. И объясняет, что так лучше, что пусть лучше госпожа Новицкая накажет, чем отведут в лабораторию.

*У меня в голове звучит разговор со Смиляничем:*

*- А я не сказал, что они что-то нарушили. Хотя и нарушители среди них есть. Но для того, чтобы быть опасным, не обязательно что-то нарушать, иногда это вообще от тебя не зависит. Если бы твой народ имел представление об эпидемиях, чуме и прочих инфекциях, ты бы легко понял, что я имею в виду. И откуда у тебя это странное представление о том, что дети полностью безопасны? Вот, например, некие Элурин и Элуред были достаточно опасны для Первого дома,*

*чтобы уморить их в лесу, верно? А здешних детей морить никто не собирается, их просто держат там, где за ними легче присматривать.*

*В голосе Смилянича нет ни малейшего намёка на ехидство или издёвку - исключительно печаль о несовершенстве мира.*

*- То, что я виноват в смерти детей, не говорит о том, что дети были опасны. Они не были опасны. Это было преступление - оставить их умирать в лесу.*

*Усилием воли я выдираю себя из воспоминания. Слишком больно. От воспоминания. От разговора. От бессилия. От боли детей, которую я чувствую так же, как чувствую любую музыку и диссонанс - радость и боль. Для меня чужая боль хуже собственной. Надо держать себя в руках. Не давать лишнего повода для наказаний никому. Детям от лекарства плохо. Кажется, оно просто причиняет очень сильную боль. Неужели люди здесь придумали его только из-за этого? Чтобы причинять боль? Мы с Финдекано лечим Даниэля. Песня исцеления Финдекано звучит так же, как моя. Я подпеваю тихо, почти про себя. Песня исцеления? Я же не умею... целить. Потерял эту способность очень давно. Не помню - как. Не умею. Разучился. Или нет?*

*- Ты научишь меня исцелять? Можешь показать на мне, когда отдохнешь и будут силы.*

*- Ты держишь свою ладонь над тем, что хочешь вылечить, близко, но не касаясь, прикрываешь глаза и стараешься ощутить тело того, кого лечишь, на всю его глубину. Ты воин, тебе просто. Поврежденная кожа, мышцы, сосуды, по которым бежит кровь, в толще мышц, тонкая пленка на их поверхности. Кости и их сочленения. От твоей руки при этом идет осторожное тепло, как первое солнце весной...*

*... Вспоминаю, как ты сказал, что тебе плохо от того, что ты отделен от Арды... то, что я могу дать - это не так много здесь, но все равно это связь с Ардой. От руки исходит еле заметное свечение и тепло, когда я касаюсь твоей кожи. Арда может лечить сама себя и своих детей. Тебя тоже.*

*Воспоминание - тепло от руки. Ты учишь меня как восстанавливать разрушенное, направлять жизненную силу, восстанавливать связи, находить гармонию, продолжать песню, заставляя материю исцеляться... Я даю тебе чувствовать связь с Ардой и течение ее силы. Откуда это? Не морок. Не бред. Откуда?*

\*\*\*

Даниэль видит кошмары. Видения - про смерти и войну. И он чувствует металл. Война, смерть и металл. Кто этот мальчик?

Песня Финдекано постепенно снимает боль и исцеляет. И моя тихая песня замолкает эхом вместе с ней. Я не думал, что когда-нибудь смогу снова исцелять...

Даниэль рассказывает, за что они были наказаны. Дети пошли к заброшенной железнодорожной станции, с которой раньше отправлялись поезда. Я не понимаю - что значит "железнодорожная станция" и "поезда".

"Что у вас за отсталый мир, если ты даже не знаешь, что такое поезд?" Это говорит Камил. Кажется, этот мальчик и доктор Милинич должны хорошо понимать друг друга. И сенатор Кралевский такой же.

Даниэль и Финдекано объясняют, что поезд - это такая повозка, которой не нужны лошади. Он ходит по рельсам из металла. И с этой станции можно попасть в другой мир. Они называют это "на другую Грань". Мне интересно про другие Грани и про переход.

- Ты слишком много болтаешь не о том. - Генерал Моранга подходит стремительно и почти вытаскивает меня в коридор.

- Ты не говорил, что я не могу спрашивать про здешний мир или рассказывать о себе. Ты сказал, что я не могу рассказывать о тебе. Я не говорил про тебя.

- Один рассказ ведет за собой другие ненужные разговоры.

\*\*\*

Финдекано и мальчик, похожий на взъерошенного задиристого воробья - Чеслав, ссорятся. Кажется, они ссорятся очень часто. Дело доходит до драки и другие, и я с ними, бросаются разнимать, помня про наказание. Кажется, в этот раз обошлось. Мальчики ссорятся из-за Найданы. Если я правильно понял, она им обоим сестра. Но Чеславу названная. И судя по всему, он влюблен. Во всяком случае готов драться за эту девочку хоть с целым миром.

Найдана растит дерево. На его листьях появляются надписи о том, что происходит. Сейчас Найдана уже больше говорит, но все равно, похоже, говорить с деревом ей привычнее, чем с людьми. Сначала на дереве есть только желтые и оранжевые листья... они в основном про боль, страх и плохое. А потом начинают появляться зеленые... "Не человек из лаборатории свободен" - это про меня.

Дети вспоминают все больше... Я не могу им говорить - кто они. Ты запретил рассказывать лишнее. Но этим детям ты сам рассказываешь. Чеслав и Найдана - Турин и Низнор. В этом мире они не родные брат и сестра. И все может быть по-другому. Правда, может?

Дети не боятся генерала Морангу. Найдана доверчиво рассказывает про свои страхи. Да и Чеслав... рассказывает... кажется, чтобы добиться от этого мальчика нормального рассказа, надо действительно быть Вала...

У тебя в глазах странное выражение, когда ты рассказываешь детям, что в этой жизни они не брат и сестра и не могут сделать ничего плохого своей любовью. Кажется, ты очень хочешь что-то исправить. И кажется, что это мне не кажется.

\*\*\*

Я попытаюсь расспросить у Финдекано... то есть, Зорана.. как ему жилось с генералом Морангой...

Генерал забрал его от Черных Улан. Фактически спас... сделал своим воспитанником.

*"Знаешь ... наверно, после того, что я видел сегодня, я никогда не смогу причинить зла Финдекано..."* Ты обещал мне, ты правда обещал...

- Я обещал тебе.

А Финдекано... то есть, Зоран... заклинивал дверь... пока генерал не позавтракает, варил кофе и спрашивал "а можно я в следующий раз скажу Блэкмору, что вас нет, а то у вас опять мигрень будет"... "Меньше чем через год жизни у генерала завёл кота.

Чёрного мейнкуна, то ли выбраковку, то ли смеска. Назвал Тибальтом. Кот,



попривыкнув, выбрал "своим человеком" генерала. Не то чтобы Зоран на это рассчитывал, но надеялся."

Я смотрю на вас двоих широко открытыми глазами. Так не говорят о ненависти или войне. Так говорят о семье и близких.

\*\*\*

Дети снова идут на заброшенную станцию. Кажется, в этот раз у них должно получиться бежать, попасть на другую Грань - может быть туда, где для них найдется дом и любовь.

Зоран говорит, что не уйдет, не оставит меня. Я пытаюсь убедить его, что в худшем случае вернусь в Чертоги Намо. "А если не убьют и останешься в лаборатории?" В его голосе и глазах такое выражение... мне нечего возразить. Я знаю, что ему пришлось пережить тогда. Когда он смотрит на меня, то вспоминает полет и сильный ветер. И орла.

Аурел тоже не хочет идти. "Здесь моя мама, Нимбэль, я не могу ее оставить." Я понимаю и его тоже.

А потом за нами приходит капитан Блэкмор и Аурел вызывает его на поединок на песнях, давая другим детям так нужное им время. Они поют, а я вижу белые стены в огне - те, которых не видел никогда, и духа огня на месте капитана Блэкмора. Только сейчас, я узнал тебя, Лаурэфиндэ. Странно, что не узнал сразу... но сразу я узнал лишь Друга и Врага. Я не смогу сказать тебе - кто ты, пока ты сам не вспомнишь. Майя сильнее. У него больше песен. Аурел падает и его тащат в сторону лаборатории. Я вижу тебя и надеюсь, что Аурелу помогут, будут лечить... он же и так ранен... он же ребенок...

С нами идет Илька. Илькалиндэ - серьезная, задумчивая и совершенно бесстрашная девочка, которая знает про квенья и древние легенды.

- А ты зачем здесь? Почему не ушла с остальными?

- Он мой друг. Для тебя причина должна быть достаточной.

Для меня причина достаточна, это верно.

\*\*\*

Аурела тащат в лабораторию. Я не понимаю, как ты можешь это позволить. И мне плевать на твои цели и причины. На Войну Стихий и судьбы мира. Потому что невинные не должны страдать, а дети здесь не сделали ничего плохого.

Ты останавливаешь капитана Блэкмора. Была бы драка, а я не сильно могу помочь Финдекано. Физически я все так же слаб из-за наручника. Ты угрожаешь выкинуть меня за шиворот, если я сам не выйду. Ты можешь, я знаю. Сейчас можешь.

А потом мы все слышим крик Аурела из лаборатории. Доктор Милинич пытается пройти туда. В дверях капитан Блэкмор. Я знаю, сколько песен у меня - лишь одна моя песня войны и разрушения и сколько у него - они только что сражались при мне с Аурелом. Я знаю, сколько у меня сил - почти нет. Я знаю, что наверняка проиграю. И надеяться мне не на что, кроме как на чудо. Но я не могу стоять и слушать этот мучительный крик из-за двери. Из-за него мир и жизнь теряют смысл, вообще все теряет смысл. Я ненавижу свою слабость и бессилие, ненавижу себя за то, что снова не могу помочь и не могу ничего сделать, когда чувствую, что музыка майя

захлестывает мою и звучит все сильнее и сильнее, когда темнеет в глазах и я падаю на пол.

\*\*\*

Я слышу песню исцеления Финдекано. Вижу тревогу в глазах. И что-то еще... сейчас его взгляд такой же, как тогда. Совсем такой же.

Ты вспомнил меня, Финдекано?

Но я не успеваю поговорить с ним об этом. Я очень много не успеваю.

Аурел возвращается из лаборатории. Он вроде бы в порядке

И ты хочешь поговорить. Снова. Мы идем на улицу. Темно. Только светятся в темноте огоньки заброшенной железнодорожной станции. Кажется, дети узнали, как вызвать поезд из-за Грани. Значит, они сумеют спастись, если этому миру придется умереть.

Или нет, если происходящее затронет другие Грани и миры.

Мы стоим на улице в темноте. Руки касаются рук. Ты обнимаешь меня и я не хочу оттолкнуть. Впервые после... вечности?.. после того, как я вернулся к живым из Чертогов... Теперь все так, как надо, как должно быть. Ты здесь.

- Мельоро.

- Ты вспомнил.

Ты помогал мне умереть:

*"Сейчас мне кажется, что тебе... больно? Сейчас я не помню, что мы враги. У меня нет хуже врага, чем я сам. А ты... сейчас я вижу только усталое лицо, боль в глазах, мокрые волосы в снегу - и не различить, где снег, а где просто побелели. Ошейник ещё в ворота рубашки с цепями этими. Холодно от них, наверно."*

Ты ждал, пока я вернусь:

*"Когда я открываю глаза и возвращаюсь, то первое чувство снова не холод и даже не боль. Лежать скорее удобно, я чувствую твою руку у себя в волосах. Когда смотрю снизу вверх, вижу, что ты сидишь прямо и отрешенно... кажется, что ты сидишь так вечность.\* - Спасибо. \*странно благодарить за смерть. Вокруг зимний лес, камни, снег и лед."*

Ты построил дом для нас посреди зимы, пустоты и серого тумана:

*"Покачивающийся свечной фонарь в окне, свет молочно-белый сквозь разрисованное стекло, сейчас не видно, но под фонарем птичья кормушка, с утра там снегири - значит, зима. Рыжий, глиняный кувшин и широкая чашка возле...  
... вода прохладная и пахнет снегом. Отблески огня из очага и фонаря на окне – в воде, на стенах. Я бросаю взгляд на потолок - все ли еще там видны звезды..."*

Мы пережили наше самое темное время зимы и скоро должна прийти весна. Но я боюсь, что ты замерзнешь. На улице холодно. И я хочу закутать тебя в шарф. Ты говорил, что умрешь накануне весны.

Сейчас ты говоришь о том, что будет война. С Валинором. Что тебе нужно снять оковы. Нужны те трое, кто могут спеть Песню Разрушения Неразрушимого. Чтобы снять оковы. Времени мало.

Ты уходишь, а я остаюсь на улице. Воспоминания осколками и огнями в сознании. Весь наш путь там за Гранью через вражду, ненависть, непонимание, боль и смерть. К пониманию, долгим и трудным разговорам, прощению и спасению. Целая вечность или дольше. Очень много слов, мыслей и чувств. Очень сложно и сильно. Очень больно. Очень хорошо.

Я знаю, что больше не смогу обречь тебя на заточение за Гранью. Ни за что. Поэтому надо снять оковы. К чему бы это ни привело. Я просто больше не могу по-другому. Я не знаю - сможешь ли ты удержаться от войны. Мне остается только верить, что я смогу как-то помешать, если будет надо. С моим-то почти полным бессилием...

Я иду по тропинке, не замечая почти ничего перед собой, пока не врезаюсь лбом в дерево, склонившееся поперек дороги. Ясень, кажется. Или очень похоже. И так и стою у дерева, опираясь лбом на руку. И едва не подскакиваю от неожиданности, когда Финдекано оказывается за спиной.

Я не знаю, как объяснить все, поэтому говорю первое, что хочу сказать:

- Мне нужны те, кто могут спеть Песню Разрушения... разрушить оковы.

- Твои?

- Нет. Оковы твоего генерала.

Это разговор потом еще повторится ни один раз и ни с одним ребенком. А когда я буду думать, как объяснить Финдекано, почему я хочу освободить тебя и чем это может грозить... когда буду пытаться подбирать слова и говорить о том, что хочу сделать, он просто скажет: "Я вспомнил, Майтимо". И просто поверит мне, как верил всегда.

\*\*\*

Мы возвращаемся в интернат.

Майяр в лаборатории пытаются понять, можно ли отобрать у детей песни, чтобы поддержать умирающий мир. Песни для них - тоже "ресурсы". Они стали как люди в худших их проявлениях...

А я спрашиваю у детей, у кого из них есть Песня Разрушения... чтобы разрушить оковы.

Эти дети... они во многом как эльдар... и

и в чем-то лучше эльдар. На дереве Найданы-Низнор все больше зеленых листочков:

- "Когда кому-то из нас плохо, другие всегда готовы прийти на помощь, подставить плечо."
- "Добрые люди есть на свете. Приедет поезд. У нас есть надежда."
- "Когда мне и Лючане было холодно, Виктор и Чеслав закутали нас в свои куртки".
- "Илька вступилась."
- "Госпожа Новицкая помогла Ильке, когда ей было плохо."
- "Избавление от индекса госпожи Новицкой. Теперь она живая!"

\*\*\*

У Ильки очень странное выражение лица. Я спрашиваю "что случилось?" Она нашла книгу. На первой странице инициалы J.R.R.T. и надпись "Потомок создателя, ты можешь изменить одну судьбу в этой истории." Детские голоса сливаются в хор:

- Одну... только одну. Чью? И как? Что переписать?

- Когда? В самом начале? Когда возник Диссонанс? Какой момент? Что будет со всеми, если изменить прошлое?
- А может быть... не прошлое? Какой смысл - менять прошлое?
- Будущее? - на лице Ильки проступает улыбка. - Да, конечно же, будущее.

Мы говорим о том, что в Первой Музыке все началось с Диссонанса и Войны Стихий. А что, если предотвратить войну? Диссонанс - не так уж плохо. Часть творения. Но стихии не должны воевать, чтобы уж совсем, до уничтожения мира... когда ветер воет с морем, а огонь с землей, хорошего ждать не приходится...

- Но... Разрушение? Почему Разрушение? Если мы хотим что-то изменить, то нам нужно петь не Разрушение, а Освобождение... Разве нет? Зачем множить разрушение?

Другие дети согласны. Я слушаю то, что говорит девочка, и с глаз словно спадает пелена.

- Да, верно. Освобождение. Пиши так, как считаешь нужным, Илькалиндэ. Вы, дети, мудрее нас, проживших вечность. И воевавших вечность.

\*\*\*

Я ищу тебя. Но к тебе не пройти. Дверь открывает капитан Блэкмор. Прошу сообщить генералу, что у меня к нему разговор. Мне не нравится выражение лица капитана Блэкмора... что-то не так. Но ты выходишь. Рассказываю про Освобождение. И не могу понять, что значит выражение у тебя на лице. Кажется, эти дети смогли поразить даже тебя, Айну.

Ты говоришь, что Освобождение должны петь четверо. Те, у кого больше всего причин ненавидеть тебя и желать твоей смерти. Я, Финдекано, Лаурефиндэ и Турин. У меня нет Песни Освобождения. У меня только Война, Любовь и Исцеление. Песню Освобождения готов отдать мне Виктор Свобода - мальчик с душой Берена. А я взамен отдаю ему Исцеление. С Туриним тоже готовы поделиться песней. Кажется, Виктор сумел выразить мысли многих:

- Я лично убил бы генерала, но если ты считаешь, что освободив его, мы можем остановить войну, можем попробовать.

Звучат голоса "за" и "против". У нас очень мало времени. Капитан Блэкмор пытается остановить нас: "вы с ума посходили: освободите его и он разрушит мир". Но песни звучат одна за другой. Я пою тебе Освобождение и Любовь. И для меня нет большего счастья, чем снять с тебя, наконец, этот проклятый ошейник и наручники.

А дальше все происходит очень быстро, слишком быстро. Я не успел проследить, что пытаются сделать майяр, но начинает звучать совсем плохая музыка и выражение твоего лица меняется. Как в бреду я слышу твои слова: "Вы должны меня убить, чтобы остановить все это. Он должен." Ты показываешь на Чеслава. У Чеслава в руках черный меч... я не знаю, откуда он его взял. Чувствую только, что это не просто меч, а меч со своей волей. И эта воля та же, что целую жизнь и вечность вела меня - воля уничтожить тебя. Чеслав, вернее, Турин, поднимает меч. Я пытаюсь закрыть тебя собой, но ты отталкиваешь меня в сторону. А потом я вижу удар меча, как ты падаешь, и мой мир падает вместе с тобой.

Краем сознания я понимаю, что дети смогли вызвать поезд и должны спастись. Они справятся, привыкли справляться. А больше ничего не имеет значения. Даже если этот мир будет уничтожен Валар, его Создателем или как-то еще. Я сижу на полу, обнимаю тебя и плачу. Ты не похож на мертвого, кажется, что живой и горячий. Я никогда раньше не плакал. Терял близких, вставал с сухими глазами и шел дальше продолжать войну. Сталь, лед и пламя. Но я так устал терять. Устал от этого проклятия. Надо сказать детям, чтобы уходили... если мир все же погибнет. Потом я пойду за тобой. Тебе нельзя быть в одиночестве за Гранью. Слишком плохо. И бессмысленно ждать милости. Мне не приходит в голову просить о ней. Я и так уже слишком о многом просил детей - чтобы освободили тебя. Я собираюсь сказать, чтобы дети уходили. Но они вдруг начинают петь.

\*\*\*

Теперь, после всех прошедших эпох, я знаю, как звучит чудо. Чудо звучит как песни, продолжающие одна другую. Когда заканчивает петь один, начинает звучать другой голос. Освобождение, исцеление, созидание, любовь...

Ты вздрагиваешь у меня на руках и открываешь глаза. Тепло и нежность. Обрывки слов и фраз... смешные, хорошие...

- Я же обещал, что вернусь к тебе, что бы ни случилось.
- Теперь нам новый мир петь.
- Какой споем, такой и будет.
- С вами даже умереть спокойно не получится. Устал я очень.
- Не отмазывайся. Тебе тоже новый мир петь.